

УДК 168+122

DOI: 10.15372/PS20230205

А.А. Санженakov**ПРИЧИННОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ***

В статье рассматривается проблема применения понятий «причина» и «причинность» в социальных науках. Автор обращается к аналитической философии, где активно обсуждались вопрос легитимности использования этих понятий в научном исследовании и проблема возможности построения общественных наук по образцу естественных наук. На основании проведенного исследования показано, что позиция того или иного философа по стратегии построения наук об обществе зависит от его понимания роли причинности в объяснении действий отдельного человека. Сторонники стандартной (каузальной) теории действия настроены позитивистски и полагают, что общественные науки должны использовать методы и подходы естественных наук. Представители антикаузального крыла, напротив, считают, что социальные науки должны использовать свою методологию. Таким образом, решение данной проблемы должно предвшаться разработкой теории действия.

Ключевые слова: причины; теория действия; естественные и гуманитарные науки; аналитическая философия; позитивизм и антипозитивизм

A.A. Sanzhenakov**CAUSALLITY IN SOCIAL SCIENCES**

The article deals with the problem of applying the concepts of “cause” and “causality” in social sciences. The author refers to analytical philosophy, where the issue of the legitimacy of using these concepts in scientific research and the problem of the possibility of building social sciences on the model of natural sciences were actively discussed. The study shows that the position of a particular philosopher concerning the strategy of building social sciences depends on his understanding of the role of causality in explaining the actions of an individual. Proponents of the standard (causal) theory of action take a positivist

* Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

position and believe that social sciences should use the methods and approaches of natural sciences. On the contrary, representatives of the anti-causal wing believe that social sciences should use their own methodology. Hence, the solution of this problem should be preceded by the development of a theory of action.

Keywords: causality; action theory; natural science and humanities; analytic philosophy; positivism and anti-positivism

Введение

В 2022 г. исполнилось 80 лет знаменитой статье Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории» [19]. В этой статье доказывалось, что способы объяснения исторических событий качественно не отличаются от тех способов объяснения, которые ученые используют в естественных науках: в обоих случаях применяется дедуктивно-номологическая модель объяснения. Эта публикация стала одним из знаковых событий для знаменитого *Metodenstreit* (нем. спор о методе) [8] и породила в среде аналитических философов бурную дискуссию о природе социогуманитарного знания и роли законосообразных обобщений в социальных науках. В рамках этой дискуссии отдельное немаловажное место занимает проблема причинности, которой будет посвящена наша статья.

Понятие «причина» используется как в естественных, так и в социогуманитарных науках. Однако вряд ли найдется хотя бы один ученый, способный ясно ответить на вопрос, в чем заключается природа причинности и чем причинно-следственные связи в общественных процессах отличаются от причинно-следственных связей в физической реальности. Это задача ложится на плечи философов науки, которые должны эксплицировать, что же именно подразумевает ученый, когда говорит, что одно событие стало причиной для другого. В этой статье мы представим взгляды некоторых аналитических философов относительно того, каким образом мы можем использовать понятия причины и причинности в социальных и гуманитарных науках. Начнем мы с краткого историко-философского экскурса, затем обратимся к наследию аналитической философии, а в заключительной части статьи выделим те особенности социогуманитарного знания, которые накладывают некоторые ограничения на использование причинно-следственного объяснения в этой области.

Причинность: два взгляда

Впервые наиболее всеобъемлющую теорию причинности разработал Аристотель. Как известно, согласно этой теории, существует четыре нередуцируемых вида причин: материальная, формальная, движущая и целевая [3, с. 146–148]. Важно отметить, что знание причин связывается Аристотелем со знанием вещи, порожденной этими причинами. «Мы полагаем, что знаем каждую вещь безусловно, а не софистически, приводящим образом, когда полагаем, что знаем причину, в силу которой она есть, что она действительно причина ее и что иначе обстоять не может» [2, с. 259]. При этом чем более общие причины мы знаем, тем ближе мы к *эпистеме* (научному знанию). Специфика этой теории заключается в том, что она претендует на многоаспектное описание реальности и не склонна к одномерной истории: благодаря этой теории можно описать как материально-формальное единство вещи, так и функциональные и телеологические процессы в ней. В связи с этим современные исследователи находят возможным характеризовать подход Аристотеля как причинный, или каузальный, плюрализм [22, р. 121].

Иная, скептическая, линия в понимании причинности была намечена Д. Юмом, который полагал, что мы не обладаем априорным знанием причинных связей, но лишь примысливаем таковые апостериорным образом после наблюдения за постоянством связи смежных явлений, следующих друг за другом. «Я решаюсь, – писал Юм, – выдвинуть в качестве общего положения, не допускающего исключений, то, что знание отношения причинности отнюдь не приобретает путем априорных заключений, но возникает всецело из опыта, когда мы замечаем, что отдельные объекты постоянно соединяются друг с другом» [10, с. 23]. Поскольку, согласно Юму, мы имеем дело с одними только восприятиями, постольку мы не можем проникнуть в суть явлений и, как следствие, мы не знаем, в чем состоит порождающая сила причинного отношения, т.е. мы не способны понять, почему одно явление порождает другое.

Из сказанного видно, что в истории философии имеется два взгляда: каузальный, предполагающий, что наше знание напрямую связано с осведомленностью о причинах, и антикаузальный, или скептический, который ставит под сомнение возможность раскрытия истинной сути причинно-следственных связей. В науках как

естественных, так и по большей части гуманитарных распространен, безусловно, первый подход. Начиная с XVII в. возможность раскрытия причин (природных свойств предметов, законов природы) и экспериментальная проверка являются признаками науки и отличают ее от иных форм духовной деятельности. Важность познания причинно-следственных связей объясняется тем фактом, что через эти связи мы можем не только прогнозировать будущие события и упорядочивать мир вокруг нас, но также объяснять его [16; 18]. Если связь причин и следствий является устойчивой, то мы имеем отношение, которое можем назвать законом. В очень широком смысле цель науки – установление системы общих законов. Именно через эти универсальные связи мы объясняем окружающие нас явления.

Причинность в природе и обществе

Представляется очевидным, что мир физический значительно отличается от мира социального. В природе устойчивость связей и корреляция событий более высокие, чем в социуме. Поэтому применительно к физическому миру мы, говоря языком Аристотеля, используем аподиктический силлогизм, а применительно к социальному довольствуемся диалектическим силлогизмом. Если посылки первого силлогизма являются необходимыми, то посылки второго – правдоподобными или вероятностными, т.е. состоят из положений, истинность которых признается лишь большинством людей. В связи с этим возникает законный вопрос: можем ли мы говорить о научном знании в социогуманитарных науках? В рамках нашей статьи этот вопрос будет иметь такую форму: можем ли мы говорить о необходимых причинных отношениях в социальном пространстве?

Многие философы и социологи имели смелость утверждать, что необходимость причинно-следственных связей в социальном пространстве ничуть не меньшая, нежели в природном мире. Так, Д. Юм, отрицая объективную необходимость, тем не менее устанавливал корреляцию между причиной (мотивом) и следствием (действием) в социальном пространстве и полагал, что эта корреляция вполне соответствует корреляции между физическими явлениями: «и в человеческих поступках сказывается общее течение природы так же, как в действиях солнца и климата» [11, с. 446];

«вынося суждение о человеческих поступках, мы должны исходить из тех же принципов, как и рассуждая о внешних объектах» [11, с. 447]; «ни одна связь не может быть более постоянной и достоверной, чем связь некоторых действий с некоторыми мотивами и характерами» [Там же]. Если верить Юму, мы можем создать науку о человеке и обществе, которая по уровню своей строгости не будет уступать физике. Это настроение разделяли позитивисты со времен О. Конта, а социология стала прообразом такой науки.

Социология с первых своих шагов претендовала на звание строгой науки, что обязывало ее раскрыть законы, по которым функционирует общество и благодаря которым мы можем предугадывать его развитие в будущем. Эта задача не может быть выполнена без применения связки «причина – следствие», о чем и писал в свое время Э. Дюркгейм: «...Наше главное намерение состоит в том, чтобы распространить на человеческое поведение научный рационализм, показав, что рассматриваемое в своем прошлом это поведение сводится к отношениям причины и следствия, которые не менее рациональным приемом могут быть затем превращены в правила деятельности для будущего» [6, с. 409]. Но в силу специфики предмета исследования даже социология не способна предоставлять объяснения, равные по строгости тем, которые мы видим в физике. Обратимся теперь к аналитической философии и рассмотрим, как в рамках этого направления характеризуется социальная причинность.

Аналитическая философия о причинности в обществе

Отношение аналитической философии (в ее раннем варианте) к исследуемому нами вопросу определяется следующим набором методологических и общеполитических установок. Во-первых, это отрицательное отношение к метафизике и метафизическим вопросам. Во-вторых, это попытка усмотрения за любыми анализируемыми высказываниями простой логической формы. В-третьих, эмпирическое крыло этого направления (которое черпало свое вдохновение в трудах Юма) сводит суждения о фактах к чувственному опыту. Теперь рассмотрим, как отразились эти установки на решении проблемы причинности в социальных науках.

В целом можно сказать, что будучи метафизической категорией, причинность в аналитической философии расценивалась скепти-

чески. Б. Рассел полагал, что от этого понятия надо вовсе избавиться, поскольку оно реально ничего не обозначает [21]. Э. Энском продолжила эту скептическую линию и заявила, что связывать причинность с понятием необходимости и универсальности неверно [12]. Р. Карнап, обсуждая связь необходимости и причинности, отмечает: «Если существует необходимость в законах природы, она, конечно, не является логической необходимостью» [7, с. 267]. Карнап поддерживает скептицизм Юма и отказывается усматривать в связи вещей нечто большее, чем «регулярность». «Утверждение о причинной связи является условным утверждением, — заявляет он. — Оно описывает регулярность, наблюдаемую в природе, но не больше» [7, с. 270]. Однако эти рассуждения касаются исключительно каузальности как таковой и не берут во внимание причинные отношения в гуманитарных и социальных науках. Специальное исследование этому вопросу посвятил Альфред Айер.

А. Айер также довольно критично относился к причинности, понимаемой как необходимая связь наблюдаемых вещей. Вступая в заочный спор с Юмом, он отрицал, что опыт повторения события может привести к идее необходимости. Он полагал, что представление о законах природы как нормативных правилах, которые соблюдают даже божественная воля, расходится с современными ему научными представлениями. Ошибочность такого представления связана со склонностью видеть долженствование в связи причин и следствий, а эта склонность, в свою очередь, покоится на опрометчивом расценивании причинной связи в качестве формы логической необходимости [14, р. 186].

Оценивая развитие социальных наук, Айер приходит к неутешительным выводам: их научная ценность остается под вопросом [1, с. 124]. Ученый, занимающийся изучением общества, уподобляется изгнаннику из интеллектуального рая естественных наук. Поиск причин упадка общественных наук Айер начинает с подведения общего фундамента под все науки, который состоит в оперировании разного рода обобщениями. Проблемы общественных наук проистекают из того, что эти науки располагают небольшим набором обобщений, которым к тому же недостает точности и широты охвата [1, с. 125]. Эта проблема вызвана специфическими свойствами человеческого целеполагания. Чтобы понять, может ли человек быть предметом научного рассмотрения, необходимо задаться вопросом: «полностью ли подчиняется закону человеческое поведение

или нет?» [1, с. 126]. Если человеческую деятельность мы описываем в терминах цели, а физическую реальность через причины, то возникает вопрос, насколько эти описания отличаются друг от друга. Ответ Айера на этот вопрос противоположен ответу Витгенштейна: последний не считает мотивы (желание достичь определенной цели) причинами, в то время как Айер склоняется к каузальному подходу. Именно включение мотива и цели в описание действия и указание на мотив как на причину действия позволяют объяснить поведение и дают надежду на создание науки о человеке.

Однако остается вопрос о строгости и уровне законосообразности таких связей. Действительно ли существуют причинные законы в связи мотивов и действий? Обсуждение данного вопроса приводит Айера к любопытному заключению. «Как мне представляется, — пишет он, — нам следует исходить из того, что, когда о человеке говорят, что он действовал по тому или иному мотиву, подразумевается по крайней мере, что, если бы у него не было этого мотива, он это делает. Однако это равносильно утверждению, что существование мотива принимается как необходимое условие действия, но необходимое условие именно этого действия, совершаемого не любым человеком в любое время или даже не данным человеком в любое время, а *данным человеком именно в данный момент, в данной ситуации* (курсив наш. — А.С.)» [1, с. 136]. Хотя уникальность описания кажется в этом случае единственным выходом из ситуации, наш автор отказывается от такого пути. Вместо этого, по мнению Айера, нам надо искать «повторяемость типов фактов». Но как выясняется, эта повторяемость имеет ограничения. Отличие описания действий человека от описания природных явлений заключается в степени эффективности обобщений. «В человеческом поведении нет ничего, что бы нам давало право a priori прийти к выводу, что оно менее закономерно, чем какой-либо другой вид естественного процесса» [1, с. 139].

В схожем ключе рассуждает и Эрнест Нагель в монографии «Структура науки», посвященной логике научного исследования и структуре организации научного знания. Последние три главы книги посвящены общественным наукам. Данная Нагелем оценка социальных наук мало отличается от оценки, высказанной Айером: «...Ни в одной области социальных исследований не был установлен свод общих законов, сопоставимых с выдающимися теориями естествознания по объему объяснительной способности или по спо-

способности давать точные и надежные предсказания. Конечно, верно, что под влиянием впечатляющих теоретических достижений естествознания неоднократно создавались всеобъемлющие системы “социальной физики”, призванные учесть весь спектр разнообразных институциональных структур и изменений, которые проявлялись на протяжении всей истории человечества. Однако эти амбициозные конструкции являются продуктом сомнительно адекватных представлений о том, что составляет надежную научную процедуру, и, хотя у некоторых из них по-прежнему есть сторонники, ни одна из них не выдерживает тщательного изучения» [20, р. 447–448].

Одно из решений Нагель видит в замене телеологических формулировок функционализма в социологии на нетелеологические, что приведет к большей научности этой дисциплины. Устранение телеологии происходит через введение «условий», благодаря которым протекают те или иные процессы (будь то в биологическом или социальном организме). Различие между условным объяснением и телеологическим примерно такое же, как между высказываниями «*В* есть следствие из *А*» и «*А* есть причина или условие для *В*». Нагель приводит в пример телеологическое высказывание: «функция хлорофилла в растениях заключается в том, чтобы позволить растениям осуществлять фотосинтез». Его предлагается заменить высказыванием: «растения осуществляют фотосинтез только в том случае, если они содержат хлорофилл» или же таким: «необходимым условием для возникновения фотосинтеза у растений является присутствие хлорофилла».

Далее Нагель выделяет четыре затруднения, которые могли бы помешать построению социальных наук по образцу естественных. Прежде всего, это узкий диапазон возможностей для контролируемых экспериментов над социальными предметами. Но астрофизика в равной степени не является экспериментальной наукой, хотя и фундируется экспериментальными открытиями других дисциплин.

Вторая трудность, которую часто называют препятствием на пути установления общих законов в социальных науках, тесно связана с «исторически обусловленным» или «культурно обусловленным» характером социальных явлений. Это приводит к тому, что одни и те же феномены в различных культурах проявляются по-разному. Однако тот факт, что социальные процессы различаются в зависимости от институциональной среды, в которой они проте-

кают, и что определенные единообразия, присущие одной культуре, не распространяются во всех обществах, не исключает возможности того, что эти специфические единообразия являются специализациями структур отношений, инвариантными для всех культур.

Третья трудность, с которой сталкиваются социальные науки, считается самой серьезной проблемой и имеет своим источником тот факт, что люди часто изменяют свои привычные модели социального поведения в результате получения свежих знаний о событиях, в которых они участвуют, или об обществе, членами которого они являются.

Четвертый набор связанных методологических вопросов возникает из-за известного утверждения о том, что объективно обоснованного объяснения социальных явлений достичь трудно, если вообще возможно, потому что эти явления имеют, по сути, «субъективный», или «ценностный», аспект.

Однако несмотря на все перечисленные сложности, Нагель считает, что ни одна из методологических трудностей, возникающих при поиске систематических объяснений социальных явлений, не уникальна для социальных наук или по своей сути не непреодолима. Безусловно, различия способов объяснения не избежать. Например, в социально-гуманитарных науках в качестве оснований объяснения нередко выступают типологии, контексты, категориальные схемы. Тем не менее общественные науки могут рассчитывать на получение результатов, которые будут обладать таким же уровнем строгости, что и результаты в естественных науках.

Теория действия и социальные науки

Из сказанного видно, что А. Айер и Э. Нагель подходят к решению поставленной задачи с точки зрения стандартной теории действия, которая позже получила свое оформление в работе Д. Дэвидсона «Действия, основания и причины» [17]. Согласно этой теории основания для действия (желания, мотивы, намерения и т.д.) позволяют рационализировать или объяснять эти действия и вместе с тем выступают причиной, благодаря которой действие было выполнено. Поэтому когда мы объясняем преднамеренное действие через мотивы человека, совершившего это действие, мы даем причинное объяснение. Иную позицию по этому вопросу занимает Э. Энском [13], вдохновленная поздними работами Л. Витген-

штейна [4; 5]. С ее точки зрения, намерение не является реальным компонентом в механике осуществления действия. «...При описании преднамеренных действий как таковых, – утверждает Энском, – было бы ошибкой искать *определенное* фундаментальное описание того, что происходит (например, сокращение мышц или движение молекул), а затем думать о намерении как о чем-то, возможно, очень сложном, что видоизменяет это. Единственные события, которые следует учитывать, – это сами намеренные действия, и назвать действие намеренным – значит сказать, что оно является намеренным в соответствии с некоторым описанием, которое мы даем (или могли бы дать) ему» [13, р. 29].

Взгляды позднего Витгенштейна получили свое развитие в работе П. Уинча «Идея социальной науки». Особенность подхода Уинча заключается в том, что он отказывается от идеи подражания социальных наук наукам естественным. В качестве методологического фундамента он избирает установление связи между дискурсивной и недискурсивной сферами человеческого опыта через сближение лингвистических практик с социальными отношениями. Общественные науки должны учитывать тот факт, что человек руководствуется в своих действиях собственными представлениями о том, как устроен мир. «Социальные отношения человека к себе подобным смешаны с его идеями о реальности, – полагает Уинч. На самом деле, выражение “смешаны” в данном случае представляет собой недостаточно сильное слово: социальные отношения являются выражениями идей о реальности» [9, с. 17]. Таким образом, мы имеем дело не с чистыми предметами, а с некоторыми концептуальными схемами, причем помещенными в контекст действий. Эту идею Уинч унаследовал от Витгенштейна: «Рассмотрение идей Витгенштейна подтвердило это предположение, поскольку оно показало, что философское разъяснение интеллекта и понятий, связанных с ним, требует, чтобы эти понятия были помещены в контекст отношений между людьми в обществе» [9, с. 31].

Показательно, что смысл преднамеренных действий Уинч не всегда связывает со знанием причин этих действий. Он приводит пример, в котором некто N проголосовал за лейбористов без каких-либо причин: «Несмотря на то, что N действовал без причины, его действие все равно имеет определенный смысл» [9, с. 37]. Отказ Уинча от каузального подхода виден в другом примере: лектор собирается отменить лекции ввиду своего намерения поехать в Лон-

дон. Лектор «не *выводит* свое намерение отменить лекции из своего желания поехать в Лондон, подобно тому, как угроза разбития стакана может быть выведена либо из того, что кто-то бросил камень, либо из хрупкости самого стакана. Н не предлагает свое объяснение причины в качестве *свидетельства* прочности своего предсказания о своем собственном поведении. Скорее, он *оправдывает* свое намерение. Утверждение не имеет форму: “Такие-то и такие-то каузальные факторы присутствуют, поэтому случится то-то”; оно не имеет и такую форму: “У меня имеется такая-то и такая-то диспозиция, что приведет к таким моим поступкам”; оно выглядит так: “Ввиду таких-то и таких-то рассуждений, будет разумным сделать так”» [9, с. 61]. Из этого примера видно, насколько иную позицию занимает автор по сравнению с той, что мы видели у Дэвидсона. Акцент делается на осмысленности мотива, а не на его каузальном качестве.

Поиски альтернативы

Альтернативный подход, отличающийся как от каузализма Дэвидсона, так и от антикаузализма Витгенштейна, – это идея планирующих агентов М. Братмана [15], согласно которой характерной чертой намерения является направленность в будущее, что предполагает возможность пересматривать свои намерения и корректировать их. Понимание намерения как долгосрочного планирования идет вразрез с моделью «желание – верование» Дэвидсона, и не соответствует идеям, которые высказала Энском. Поэтому на основании этой теории действия можно выстроить социальную науку, которая будет отличаться от образов науки, описанных нами выше. Когда отдельный агент намеревается совершить действие, он берет на себя обязательство вести себя в будущем определенным образом, говорит Братман. В своей теории этот философ ближе к Дэвидсону, поскольку остается на почве каузализма, но он расширяет полномочия агента с помощью умеренной теории воли и придает ему и его действиям большие стабильность и устойчивость за счет понятия приверженности (commitment) своим будущим действиям. Обычно считается, что желания субъекта вкупе с его убеждениями приводят к действию, но, как полагает Братман, эта концепция порождает потенциально иррационального агента, так как желания могут конфликтовать друг с другом и могут резко меняться. Поскольку такие

характеристики не свойственны намерению, его следует описывать через более устойчивые элементы, т.е. через планирование. Описывая намерение как процесс планирования, мы выстраиваем более устойчивую каузальную цепочку. Однако каузальность здесь не предполагает детерминизма: агенты Братмана обладают характеристикой «пересмотра» своих намерений. В итоге мы получаем более-менее предсказуемого субъекта, который может быть успешно описан социальной наукой, выстроенной на основе только что представленной теории действия.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, еще раз отметим, что понятие причинности является весьма дискутируемым в философской литературе. В начале прошлого века обсуждение этой темы вышло на новый виток, обусловленный развитием аналитической философии. Ранние аналитические философы критически относились к метафизическим проблемам и стремились элиминировать понятие причинности из словаря науки и философии, расценивая его как метафизическое. Наряду с этим решалась проблема соответствия гуманитарного и социального знания научным стандартам. В большинстве случаев эти вопросы имели пересечение, и зачастую проблема возможности построения науки о человеке и обществе формулировалась в виде вопроса: возможно ли обнаружение устойчивых причинно-следственных связей в обществе? Как показало наше исследование, ответ на данный вопрос зависит от того, какую тот или иной философ использует теорию действия. В свою очередь, от этого зависит и решение вопроса о возможности построения социальной науки. В частности, представители каузальной теории действия (которая предполагает, что основания для действия не только объясняют действия, но и являются их причинами) считают, что если социальная наука возможна, то она должна быть построена по образцу естественных наук. Представители же антикаузального подхода в теории действия полагают, что социальная наука не должна опираться на методы естественных наук. Выявленная корреляция свидетельствует в пользу того, что решение вопроса о методологии социальных наук должно предваряться разработкой соответствующей теории действия.

Литература

1. Айер А.Дж. Человек как предмет научного исследования / Пер. с англ. Е.Г. Рудневой // Феномен человека: Антология / Сост. П.С. Гуревич. М.: Высшая школа, 1993. С. 123–142.
2. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 256–346.
3. Аристотель. Метафизика / Пер. М.И. Иткина // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 64–367.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018.
5. Витгенштейн Л. Zettel: Заметки / Пер. В. Анашвили. М.: Ад Маргинем, 2020.
6. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.
8. Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 145–155.
9. Уинч П. Идея социальной науки. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
10. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 53–655.
11. Юм Д. Исследование о человеческом познании / Пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 3–144.
12. Ayer A.J. The Foundations of Empirical Knowledge. N.Y.: The Macmillan, 1940.
13. Anscombe G.E.M. Causality and determination // Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers of G.E.M. Anscombe. Minneapolis: University of Minnesota, 1981. Vol. 2. P. 133–147.
14. Anscombe G.E.M. Intention. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2000.
15. Bratman M.E. Structure of Agency. Oxford University Press, 2007.
16. Bunge M. Causality: the Place of the Causal Principle in Modern Science. Cambridge, Mass. Harvard University Press, London: Oxford University Press, 1959.
17. Davidson D. Actions, reasons, and causes // Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 12–25.
18. Hempel C.G. Aspects of scientific explanation // Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. N.Y.: Free Press, 1965. P. 331–496.
19. Hempel C.G. The function of general laws in history // Journal of Philosophy. 1942. Vol. 39, No. 2. P. 35–48.
20. Nagel E. The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation. N.Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1961.
21. Russell B. On the notion of cause // Mysticism and Logic, and Other Essays by Bertrand Russell. London: Longmans, Green and Co., 1918. P. 180–208.
22. Stein N. Aristotle's causal pluralism // Archiv für Geschichte der Philosophie. 2011. No. 93. P. 121–147.

References

1. *Ayer, A.J.* (1993). Chelovek kak predmet nauchnogo issledovaniya [Man as a subject for science]. Transl. from English by E.G. Rudneva. In: P.S. Gurevich (Ed.). Fenomen cheloveka: Antologiya [The Phenomenon of Man: An Anthology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 123–142. (In Russ.).
2. *Aristotle.* (1978). Vtoraya analitika [Posterior Analytics]. In: Aristotle. Sochineniya: V 4 t. [Works: In 4 vol.], Vol. 2. Moscow, Mysl Publ., 256–346. (In Russ.).
3. *Aristotle.* (1976). Metafizika [Metaphysics]. In: Aristotle. Sochineniya: V 4 t. [Works: In 4 vol.], Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 64–367. (In Russ.).
4. *Wittgenstein, L.* (2018). Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. Transl. from German by L. Dobroselskiy. Moscow: AST Publ. (In Russ.).
5. *Wittgenstein, L.* (2020). Zettel: zametki [Zettel: Notes]. Transl. by V. Anashvili. Moscow, Ad Marginem Publ. (In Russ.).
6. *Durkheim, E.* (1990). O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Transl. from French by L.B. Gofman. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
7. *Carnap, R.* (1971). Filosofskie osnovaniya fiziki. Vvedenie v filosofiyu nauki [Philosophical Foundations of Physics. An Introduction to the Philosophy of Science]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).
8. *Rozov, N.S.* (2008). “Spor o metode”, shkola “Annalov” i perspektivy sotsialno-istoricheskogo poznaniya [“Dispute on method”, “Annals” school and perspectives of socio-historical knowledge]. Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World], 1, 145–155.
9. *Winch, P.* (1996). Ideya sotsialnoy nauki [The Idea of a Social Science]. Moscow, Russkoe Fenomenologicheskoe Obshchestvo [Russian Phenomenological Society] Publ. (In Russ.).
10. *Hume, D.* (1996). Issledovanie o chelovecheskom poznanii [An Enquiry Concerning Human Understanding]. Transl. from English by S.I. Tsereteli. In: D. Hume. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vol.], Vol. 2. Moscow, Mysl Publ., 3–144. (In Russ.).
11. *Hume, D.* (1996). Traktat o chelovecheskoy prirode [A Treatise of Human Nature]. Transl. from English by S.I. Tsereteli. In: D. Hume. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vol.], Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 53–655. (In Russ.).
12. *Ayer, A.J.* (1940). The Foundations of Empirical Knowledge. New York, Macmillan.
13. *Anscombe, G.E.M.* (2000). Intention. Cambridge, Mass. & London, Harvard University Press.
14. *Anscombe, G.E.M.* (1981). Causality and determination. In: Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers of G.E.M. Anscombe, Vol. 2. Minneapolis, University of Minnesota Press, 133–147.
15. *Bratman, M.E.* (2007). Structure of Agency. Oxford University Press.
16. *Bunge, M.* (1959). Causality: the Place of the Causal Principle in Modern Science. Cambridge, Mass., Harvard University Press & London, Oxford University Press.
17. *Davidson, D.* (2001). Actions, reasons, and causes. In: D. Davidson. Essays on Actions and Events. Oxford, Clarendon Press, 12–25.
18. *Hempel, C.G.* (1965). Aspects of scientific explanation. In: Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. New York, Free Press, 331–496.

19. *Hempel, C.G.* (1942). The function of general laws in history. *Journal of Philosophy*, 39 (2), 35–48.
20. *Nagel, E.* (1961). *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*. New York, Harcourt, Brace & World, Inc.
21. *Russell, B.* (1918). On the notion of cause. In: *Mysticism and Logic. And other essays by Bertrand Russell*. London, Longmans, Green and Co., 180–208.
22. *Stein, N.* (2011). Aristotle's causal pluralism. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 93, 121–147.

Информация об авторе

Санжениаков Александр Афанасьевич. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
sanzenakov@gmail.com

Information about the author

Sanzenakov, Aleksandr Afanas'evich. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 01.06.2023